

История как предмет в школах России

Часть 1

Историческое образование в дореволюционной России

Владимир ВИТЕВИЦКИЙ

Социально-политическая функция школьного исторического образования заключается прежде всего в том, что она призвана установить «связь времён» в развитии страны, определить её национально-государственную специфику, роль и место среди других цивилизаций, тем самым формируя у обучаемых соответствующие ценностно-поведенческие ориентации в отношении как собственной, так и других стран.

Любая государственная власть в связи с этим рано или поздно осознавала важную миссию исторического образования и стремилась в максимальной степени использовать его потенциал для адаптации молодёжи к политическим реалиям государства как для обеспечения внутривнутриполитической стабильности, так и для решения масштабных внешнеполитических задач, стоящих перед обществом. Соответственно, определяющей тенденцией в развитии исторического образования являлась тесная зависимость содержания курса школьной истории от соответствующего государственного заказа. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют и особенности эволюции школьного исторического образования в России.

Данная проблема получила определённое отражение в ряде исследований отечественных учёных [1], однако обобщающих работ по указанной

ВИТЕВИЦКИЙ Владимир Петрович – соискатель кафедры политологии и права (Московский государственный областной университет). *E-mail*: korika@mail.ru

Ключевые слова: историческое образование, государственный заказ, цензура.

¹ Пряникова В. Г., Равкин З. И. История образования и педагогической мысли: учебник-справочник. М.: Новая школа, 1995; Ищенко В. А. Школьное историческое образование в России в конце XIX – начале XX в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь. 1997.

проблематике немного, в частности, до середины XIX в. они практически отсутствовали. Дореволюционная историография содержит противоречивую и не до конца прояснённую картину о роли и месте школьного исторического образования в становлении личности российского гражданина. Однако она позволяет составить представление о том, что в русском обществе в X–XVII вв. существовали специфические, в отличие от западноевропейской традиции, формы общественно-государственной практики, в том числе образовательной. В России образовательные идеи первоначально развивались не в форме дидактических сочинений, а преимущественно в работах религиозного и нравственно-этического характера.

Становление исторического образования в России

Как самостоятельный учебный предмет история в России стала изучаться значительно позже, чем в Европе – лишь в начале XVIII в., в первую очередь это было связано с деятельностью Петра I. При нём единый тип образования, характерный для допетровской Руси, был разделён на два направления – церковное и светское; в рамках последнего начали развиваться профессиональные школы.

Зафиксированное в источниках преподавание истории началось в московской гимназии – школе с гимназической программой Э. Глюка (1705 г.), затем в школе Феофана Прокоповича в Петербурге (1721 г.) для детей «всякого звания».

Его общей направленностью была апологетика императорской власти в России, являвшейся логическим и необходимым звеном в истории страны. В частности, сам Ф. Прокопович в труде «О престолонаследии» (1723 г.) термин «самодержавие» употребляет уже в смысле неограниченной власти императо-

ра, тем самым дезавуируя его прежнее содержание, означавшее суверенность и независимость государства [2, с. 185]. Именно в таком значении он стал употребляться впоследствии в российской историографии и учебных курсах по истории.

Несмотря на энергичную попытку Петра I, системе образования в этот период не удалось преодолеть сословный, привилегированный характер. Однако понимание того, что без минимума исторического образования не только среди отпрысков дворянства, но и других сословий невозможно успешное развитие российского государства, вынудило ввести государственное историческое образование в стране.

Обучение истории в России под государственным контролем было начато с 1726 г., уже после смерти Петра I, в частности, в правительственной академической гимназии при Петербургском университете. Фактически это была первая в России государственная светская обще-

² История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. М.: ИНФА-НОРМА, 2000.

образовательная школа, ученики которой готовились к поступлению в университет.

Историческое образование строилось на основе «Синописа» («Обозрение»), созданного в 1674 г. в Киево-Могилянской академии и выдержавшего около 30 изданий. Затем, по настоянию М. В. Ломоносова, отечественная история была включена в учебный план всех первых русских гимназий, однако всё ещё не носила обязательного характера. Учебный курс истории изучался здесь по выбору, начиная с 3-го класса, и включал основы не отечественной, а всеобщей истории, а преподавание велось на иностранных языках, что явно диссонировало с самим предназначением предмета. При этом гимназисты вместо истории могли выбрать уроки, посвящённые хронологии или геральдике, введённые в качестве специальных дисциплин.

Впервые перевод учебника по всеобщей истории «Введение в генеральную историю» Гильома Кураса на русский язык был сделан лишь в 1747 г. [3]. Значительный вклад в развитие исторической мысли в России в XVIII в. внесла основанная Петром I в 1725 г. Академия наук, куда были приглашены учёные-историки из Западной Европы: Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлёцер, труды которых сыграли определённую роль в становлении исторического образования в стране, привнеся вместе с тем ряд чужеродных элементов.

Обязательный курс отечественной истории был введён в школах лишь со второй половины XVIII в. на базе учебника истории М. В. Ломо-

носова «Краткий российский летописец». Отечественная история преподавалась в университетских гимназиях в Москве (создана в 1755 г.), а также в Казани (создана в 1758 г.), но при этом единый учебный план отсутствовал. В 60-е годы XVIII в. историю изучали также в духовных учебных заведениях, коммерческих и художественных училищах.

Существенный вклад в отечественное образование внёс В. Н. Татищев (1686–1750 гг.), автор многотомной «Истории Российской с самых древнейших времён», составитель энциклопедического словаря «Лексикон исторический, географический и политический», а также ряда педагогических сочинений с государственно-центристским подходом в изложении событий. Защита и обстоятельное обоснование самодержавия в концепции Татищева соединились с мечтой о внедрении в систему органов власти своего рода представительных дворянских учреждений для участия в законодательной деятельности, компетентного решения дел центрального управления, пресечения фаворитизма, казнокрадства и взяточничества в верхних звеньях государственного аппарата.

Своеобразным рубежом в развитии отечественного образования стала образовательная реформа 1786 г. (инициированная Екатериной II), предполагавшая создание в губернских городах главных народных училищ с пятилетним сроком обучения, в программу которых отечественная история включалась

³ Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю. Как преподавать историю в современной школе: теория и методика. М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2006. С. 44.

в качестве обязательного предмета. Устав народных училищ (1786 г.) закрепил статус отечественной истории как самостоятельного учебного предмета. Во многом это стало возможным благодаря пристальному вниманию, которое уделяла Екатерина II истории как средству формирования верноподданных установок среди молодого поколения. Ей принадлежат замечания по готовившемуся в Академии наук учебнику истории. Суть их сводилась к тому, что в будущем учебнике не должно быть ничего, что могло хоть как-то послужить умалению достоинств государства и его правителей.

На специально образованную комиссию Екатерина II возложила обязанность «перевести на русский язык или вновь сочинить необходимые учебные руководства». Комиссией был составлен «План сочинения российской истории для народных училищ в Российской империи».

Планом определялся круг тем, которые должны были чётко обосновать, что русская история есть долгий, но успешный путь от истоков монархической государственности к величию империи, её торжеству и могуществу. Предусматривалась следующая периодизация: «I. 862–1462 гг. – от основания в России монархии до победоносных её времён. II. 1462–1762 гг. – от победоносных времён России до времён её силы и славы» [4, с. 190].

Написание учебника истории для начальных школ было поручено не русскому историку, а Ивану Стриттеру (1740–1801 гг.), выходцу из Германии. На первую часть учебника у него ушло около десяти лет, после чего он был представлен на рассмотрение императрице, утверждавшей все школьные учебники, за исключением математических.

Екатерина II сочла учебник недостаточно отражающим интересы государственной власти. В пример Стриттеру она поставила собственноручные «Записки касательно российской истории», написанные ею в воспитательных целях для внуков и представляющих собой откровенную апологию самодержавия.

Учебник перерабатывался и дополнялся уже Ф. И. Янковичем де Мириево и вышел в свет в 1799 г. без указания авторства под названием «Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи». Он стал официальным гимназическим учебным пособием, заменившим «Летописца» М. В. Ломоносова.

Определённым новшеством этого учебника явилось то, что автор не ограничился изложением биографий государей, а впервые, пусть поверхностно, рассмотрел внутреннюю политику государства. Данное издание использовалось в качестве учебника для народных училищ вплоть до 40-х годов XIX в.

Последняя четверть XVIII в. обогатилась выходом в свет новой учебной литературы по истории. Для так называемых малых училищ Ф. И. Янковичем де Мириево, опять под патронажем Екатерины II, была разработана учебная книга «О должностях человека и гражданина» (1783 г.). Помимо официальной «Краткой российской истории» появились пособия, написанные самими школьными учителями. О пристальном внимании власти к содержанию учебников истории свиде-

⁴ Багдасарян В. Э., Абдулаев Э. Н., Клычников В. М. [и др.]. Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009.

тельствоваала учреждённая в 1796 г. цензура, через которую были обязаны пройти все учебники истории.

В 1783 г. в Петербурге была открыта учительская семинария для подготовки преподавателей народных училищ, где впервые стали обучать методике преподавания истории. Основным методическим пособием стало подготовленное Ф. И. Янковичем де Мириево «Руководство учителям народных училищ», в котором были сформулированы основные педагогические принципы обучения истории, требования и рекомендации учителям в части развивающего обучения, а также принципы педагогического поведения учителя. В комплекте с учебниками прилагались исторические карты. В 1793 г. по инициативе Ф. И. Янковича де Мириево была напечатана настенная «Историческая карта Российской империи», на которой был представлен территориальный рост Российской империи от эпохи Петра I до царствования Екатерины II.

Таким образом, к концу XVIII в. в российских гимназиях и главных народных училищах отечественная история окончательно вошла в учебный план в качестве одного из главных школьных предметов, и были сформированы основы государственной системы её преподавания.

В 70-е XVIII в. в преподавании исторических дисциплин произошло отделение отечественной истории от всеобщей. Историческое образование, начинаясь со всеобщей в выпускном классе, завершалось отечественной историей. Однако между этими курсами отсутствовала какая-либо логическая связь, т. е. говорить о концентрической системе

преподавания в полном смысле этого слова не приходилось.

Главным назначением преподавания истории являлась, говоря современным языком, политическая социализация учащейся молодёжи в интересах решаемых самодержавием государственных задач.

Попытки вольной трактовки исторического прошлого могли печально закончиться для их авторов, примером чему является судьба А. Н. Радищева. Как известно, Радищев рассматривал самодержавие как состояние, «наипротивнейшее человеческому естеству».

В отличие от Ш. Монтескьё, различавшего просвещённую монархию и деспотию, Радищев ставил знак равенства между всеми вариантами монархической организации власти. Он не верил в возможность появления на троне просвещённого монарха. «Просвещённых монархов нет и не будет. Истина страшна для него, и он всеми силами стремится скрыть от народа правду».

Радищев критикует и бюрократический аппарат, на который опирается монарх, отмечая необразованность, развращённость и продажность чиновников, окружающих трон. Он обращает внимание на принципиальную особенность российского управления – наличие самостоятельной бюрократии, у которой отсутствует связь не только с народом, но и с монархом.

Наилучшей политической организацией общества, по А. Н. Радищеву, является народное правление, сформированное по образу севернорусских феодальных республик Новгорода и Пскова. Будущее государственное устройство России Радищев представлял в форме свободной и добровольной федерации городов с вечевыми собраниями.

Неудивительно, что труды Радищева были запрещены в России вплоть до 1917 г. За оду «Вольность» и «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев был судим и приговорён к смертной каз-

ни, которая была заменена десятилетней ссылкой в Усть-Илимск. Несмотря на то что в дальнейшем опала была смягчена и Радищев был возвращён императором Александром I в Петербург для участия в комиссии по составлению законов, в 1802 г. под угрозой очередных преследований он покончил жизнь самоубийством [5].

В целом в русской школьной исторической литературе XVIII в. сформировались два основных подхода в интерпретации российской истории: доминирующий, имперский и консервативно-охранительный, с одной стороны, с другой – умеренно-критический. Первый подход был представлен в большинстве учебников и учебных пособий – от «Краткого российского летописца» М. В. Ломоносова до «Краткой российской истории» Ф. И. Янковича де Мириево. Примером умеренно-критического подхода являлся ранний вариант учебника Стриттера [4, с. 191].

Официальная история делала акцент на закономерном, благодаря мудрому правлению, росте государственной мощи России, рассмотрению её победоносных войн и территориальных завоеваний. «Неудобные» вопросы, ставящие под сомнение данный подход, замалчивались или рассматривались бегло. К их числу, в частности, относились вопросы о происхождении Руси и норманнах, причинах ослабления государственности в удельный период, роли и значении средневековых Новгорода и Пскова в политической жизни страны, о засилье и предательстве боярства, высшей бюрократии. Бедствия, которые пришлось пережить

России, связывались прежде всего с враждебными действиями внешних и внутренних врагов России, стремившихся подорвать её мощь.

В первой половине XIX в. в российской историографии утвердилось дворянско-монархическое (по сути, модификация консервативно-охранительного) мировоззрение.

Ярким представителем этого направления являлся российский писатель и историограф Н. М. Карамзин, по мнению которого история должна служить политическому наставлению и нравованию подрастающего поколения, воспитанию его в духе преклонения перед престолом и уважительного отношения к существующим порядкам. На этой идеологеме была выстроена вся его 12-томная «История государства Российского», над которой он работал с 1804 г. до конца жизни.

В 1811 г. Н. М. Карамзиным, по просьбе младшей сестры Александра I, вокруг которой группировались противники либеральных и реформистских идей, была подготовлена записка «О древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях».

В ней резко осуждались какие-либо попытки учреждения конституции, в чём-то ограничивающей власть царя на том основании, что Россия – слишком большая страна: «Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?» Примерами истории Карамзин пытался доказывать, что «Россия гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием» [2, с. 84].

⁵ История политических и правовых учений. Учебник / под ред. О. Э. Лейста. М.: Юридическая литература, 1997. Ч. II. С. 53.

Идее естественного равенства людей, свойственной Просвещению, Карамзин противопоставляет суждение о том, что «в государственном общежитии право естественное уступает гражданскому». Право, государство, сословный строй России он связывает с идеей самобытного народного духа, присущего исключительно России.

«Записка» Карамзина, выражавшая настроение основной массы дворянства, сыграла решающую роль в отставке и опале М. М. Сперанского, в свёртывании проектов либеральных реформ, её основная аргументация была воспринята охранительной идеологией николаевской эпохи.

Монархическая концепция Карамзина нашла отражение в русских учебниках первой половины XIX в. по истории Древнего мира и Средних веков. В первой половине XIX в. в лицеях и гимназиях России в целом оформилась классическая модель исторического образования.

В трудах Н. М. Карамзина [6], С. С. Уварова [7], И. К. Кайданова [8], С. Н. Смарагдова [9], других историков и педагогов историческое образование рассматривалось как один из важных аспектов образования в целом, требовавший выработки осмысленной государственной политики в этой области. Большинство авторов был отмечен положительный эффект от введения государственного контроля над системой образования в лице Министерства народного просвещения, учреждённого импе-

ратором Александром I. Создание центрального государственного органа, ответственного за образовательную сферу, по их мнению, внесло в неё не только постоянный государственный контроль и системность. Историческому образованию предписывалась задача воспитания молодёжи в духе православия и самодержавия как незыблемой основы русской государственности.

В период правления Николая I (1825–1855 гг.) государство ещё более усилило внимание к вопросам исторического образования молодого поколения. Речь идёт о разработке официальной идеологии так называемой «теории официальной народности», предложенной министром просвещения в 1833–1839 гг. графом С. С. Уваровым и нашедшей отражение в официальных школьных учебниках, в частности Н. Г. Устрялова.

Концептуальным стержнем учебников Устрялова стала знаменитая «уваровская триада», включавшая теперь, помимо православия и самодержавия, ещё и народность.

Н. Г. Устрялов исходил из того, что «православная вера при самом введении слилась с русскою жизнью и стала необходимым для неё условием, подобно власти самодержавной» [10].

Что касается самодержавия, то оно, по Устрялову, вошло в плоть и кровь народа и являлось неприменным и важнейшим элементом всей российской

⁶ Карамзин Н. М. О новом образовании народного просвещения в России // Вестник Европы. 1805. № 5.

⁷ Уваров С. С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813.

⁸ Кайданов И. К. Краткое начертание Российской истории. СПб., 1834.

⁹ Смарагдов С. Н. Краткое начертание всеобщей истории. СПб., 1845.

¹⁰ Устрялов Н. Г. Начертание русской истории. СПб., 1856.

ской истории. Правда, в период раздробленности на смену одному самодержцу пришла «конфедерация самодержцев», т. е. оказалось утрачено единое державие, но не само самодержавие.

В этой концептуальной схеме Новгород рассматривался как случайное отклонение от основного русла российской истории. Смута рассматривалась не как проявление сущностной неустойчивости самодержавия, утратившего связь с народом, а как результат трагической случайности – прерывания династии.

Под «народностью» (третья часть «уваровской триады») Устряловым понимались «крепкие узы», которые «соединяли все части русской земли в одно целое. Эти узы были язык, вера, господство одного дома, стремление князей к единому державию, гражданское и церковное устройство» [10, с. 44].

Доказательство существования этой целостности – образование территориального и духовного «русского ядра». Однажды оформившаяся ещё при Ярославе Мудром «русскость» становится фундаментальным качеством, которое не может быть утрачено ни при каком внешнем воздействии. Напротив, чем сильнее такое внешнее воздействие, тем сильнее укрепляется «русскость». «Разъяснение» Устряловым знаменитой «уваровской триады» кочевало в этот период из одного официального учебника в другой.

О том, какое значение власть отводила «правильной» трактовке российской истории, свидетельствует тот факт, что после европейских революций 1848 г. император Николай I распорядился подвергнуть учебники истории повторной цензуре.

Чрезмерная цензура, как это нередко бывает, вызвала обратную реакцию в обществе, проявлением которой стало растущее недоверие юношества к официальной версии истории. В очередной раз стало очевидным, что ограничительные меры

в изложении истории, включая замалчивание подлинных причин тех или иных исторических событий, вымарывание имён или подтасовка фактов не могут гарантировать лояльность учащейся молодёжи, сталкивающейся в повседневной жизни с диссонирующей действительностью. Более того, в условиях ослабления государственности, нарастания кризисных явлений в обществе такая политика могла поставить под угрозу весь политико-идеологический конструкт политической власти, предоставляя возможность интеллектуальной контрэлите не только дискредитировать официальную историю, но и предложить собственную востребованную версию национальной истории [4, с. 196].

Такая ситуация сложилась после поражения России в Крымской войне (1853–1856 гг.), когда большой общественный резонанс получили статьи Д. И. Писарева, В. Г. Белинского, Н. Г. Добролюбова и др., у которых под критикой официальной истории таилась попытка заменить её собственной «контристорией», которая, однако, имела мало шансов на успех в противостоянии с официальной историей [4, с. 197]. Основными концептуальными элементами её являлось представление о народе как главном субъекте истории и объекте изучения; при этом положение народных масс должно было изучаться преимущественно с позиции особенностей его политического и социального угнетения, а также народной борьбы против гнёта властей и др. [11, с. 331–332].

¹¹ Володина Т. А. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии (Середина XVIII – конец XIX вв.). Дисс. ... д-ра ист. наук. М, 2004.

Национальные интересы, национальные задачи трактовались В. Г. Белинским как обязательные для всех слоёв общества, а их реализация связывалась с его консолидацией [12]. По сути дела, В. Г. Белинским была предложена концепция «исторической» солидарности русской нации, при которой социальную обязанность должны были нести все слои общества.

В этот же период формируются взгляды на историю таких самобитных мыслителей, как А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, в предмет научного интереса которых входили вопросы о соотношении исторического опыта России и Западной Европы, месте страны в мире, специфике исторического пути России, далеко выходящие за рамки консервативно-охранительной идеологии. Размышления о путях усовершенствования общественного развития ставили «опасные» вопросы о происхождении самодержавия, его роли и месте в российской истории.

В то время социологические замеры общественного мнения не проводились, но неслучайно именно на 60-е годы XIX в. приходится становление идеологии народничества.

Концепция народничества основывалась на идее «самобытности» и, соответственно, возможности перехода России к социализму, минуя капитализм, вследствие противоестественности капиталистических отношений для России и наличия такого укоренившегося социального института, отсутствующего в других странах, как крестьянская поземельная община.

Вскоре в рамках народничества помимо либерального (умеренного) оформились два радикальных – революционное (П. Н. Ткачёв, отчасти – Н. А. Морозов) и анархистское (М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин) – течения, появились тайные общества, где обсуждались не только проблемы патриотизма, но и необходимость перехода к террористической деятельности. В этот период, несмотря на ужесточившуюся цензуру со стороны власти, содержание исторического образования уже не являлось монополией дворянско-охранительной идеологии, в него всё более активно проникали демократические взгляды, усиливавшие брожение в обществе, препятствующие заданности политической социализации молодёжи исходя из интересов власти.

Необходимость преодоления углубляющейся пропасти между «верхами» и «низами», которая грозила взрывоопасными последствиями, стала одной из главных причин, инициированных императором Александром II масштабных либеральных реформ, открывших следующий этап в развитии исторического образования, который пришёлся на середину 60-х – 80-е годы. 28 июля 1861 г. начал работу Комитет для разработки реформы начального и среднего образования. По итогам его работы 19 ноября 1864 г. был утверждён Устав гимназий и прогимназий, который предоставил возможность для мальчиков всех без исключения сословий и вероисповеданий поступать в гим-

¹² Белинский В. Г. Деяния Петра Великого // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5. С. 91–153.

назии. В результате реформы системы образования во второй половине XIX в. в стране была введена трёхступенчатая (начальное, среднее, высшее) структура общедоступного образования, позволявшая не только повысить общий уровень грамотности в стране, но и систематизировать историческое образование в интересах государства.

В 1864–1874 гг. в стране было открыто около десяти тысяч трёхгодичных земских школ, пользовавшихся широкой популярностью, в том числе и благодаря тому, что земские учителя из числа демократически настроенной интеллигенции ввели в учебную практику факультативные занятия по истории. Это стало причиной роста в обществе интереса к историческим знаниям, на основе которых молодёжь пыталась осмыслить в том числе и перспективы развития России.

Вместе с тем существенной либерализации в преподавании официального курса истории не последовало. С началом очередного польского восстания (1863 г.) вновь актуальной оказалась охранительная теория «официальной народности». Её сторонники видели свою задачу в расширении мер воздействия на общественные круги с тем, чтобы не допустить распространения «вредных» учений, способных поколебать общественный строй. Вновь подтвердилась тесная зависимость содержания и направленности преподавания истории от волеизъявления властных структур.

Консервативно-охранительные взгляды предлагали традиционный рецепт, фокусировались вокруг идей

незыблемости самодержавия, укрепления позиций дворянства как основ российской государственности, усиления религиозности и патриархальности в образовании и культуре. Образование юношества предлагалось проводить «в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного порядка» [13]. Одним из наиболее ревностных сторонников охранительного курса в тот период были министр просвещения Д. А. Толстой и редактор журнала «Русский вестник» М. Н. Катков.

Заметным событием в отечественной историографии этого периода стал 29-томный труд историка С. М. Соловьёва «История России с древнейших времён». Высоко ценя творчество Н. М. Карамзина, Соловьёв считал, что настало время перейти от «литературной истории государства Российского к истории научной», в которой нашли бы отражение современные достижения историографии, философии и других наук.

В своём исследовании он руководствовался новаторским по тому времени методологическим принципом, который предполагал многофакторный анализ исторического процесса, призванный выявить связь русской истории со всеобщей. В целом Соловьёв придерживался умеренно-консервативных позиций во взглядах на особенности исторического процесса в России. Свои идеи он попытался реализовать в «Учебной книге русской истории» (1859–1860 гг.), предназначенной для гимназий, однако его чрезмерно объёмный учебник оказался маловостребованным.

¹³ История России для технических вузов: учебник для бакалавров / под ред. М. Н. Зуева и А. А. Чернобаева. М.: Юрайт, 2013. С. 269.

С 60-х годов XIX в. до начала XX в. преподавание истории в школах России велось на основе учебников Д. И. Иловайского, И. И. Белляринова, С. Е. Рождественского, К. В. Елпатьевского. Авторы этих учебников в той или иной степени интерпретировали прошлое в рамках официальной консервативно-охранительной концепции.

Особую популярность приобрели учебники Д. И. Иловайского, выходявшие массовым тиражом. В частности, его «Русская история для среднего возраста» выдержала 44 издания, а тиражи этих изданий чуть ли не на порядок превосходили тиражи других авторов [4, с. 203].

В отечественной историографии утвердилось мнение, что учебники Иловайского «насаждались» Министерством народного просвещения в силу их «реакционности». Однако «спрос на учебники Иловайского не зависел ни от министров, ни от члена Учёного комитета Платонова... Менялись императоры, министры, члены Учёного комитета, а учебники Иловайского по-прежнему расходились в публике» [11, с. 366].

Главная причина популярности учебников Иловайского, заключалась не в умеренно-консервативной патриотической интерпретации истории России, которая отвечала социальным ожиданиям образованных слоёв общества. В рамках данной интерпретации историческая правда грубо не искажалась ради официального «патриотизма», исторические события получали относительно адекватную (насколько позволяла цензура) трактовку. В частности, высокую оценку получали те правители, которые опирались на традицию, действовали осторожно и взвешенно, выше кратковременных политических выгод ставили национальные интересы России

(Иван III, Василий III, Алексей Михайлович, Александр III).

Те же, кто нарушал эти принципы, удостаивались обоснованной критики (Пётр I, Александр I, Александр II, в позднейших изданиях – Николай II; резко отрицательно Иловайский оценивал царствование Ивана IV Грозного). Определённым кругам русского общества импонировала и интерпретация Иловайским национальных проблем Российской империи.

Учебники Иловайского имели ещё целый ряд важных достоинств: были написаны литературным языком, суждения сопровождалась яркими фактами и «говорящими» деталями, автор постоянно обновлял и перерабатывал их, доводя изложение до самых последних по времени событий. Лишь после революции 1905–1907 гг., подведшей черту под предыдущим многовековым историческим путём России, тиражи учебников Д. И. Иловайского заметно упали [4, с. 204]. На первое место по популярности в межреволюционный период вышел учебник С. Ф. Платонова, оказавшийся более востребованным по своему содержанию [13, с. 122].

Эпоха относительного либерализма, сопровождавшаяся ростками плюрализма мнений и суждений по актуальным проблемам общественно-политической жизни и исторической судьбы России, после убийства Александра II сменилась контрреформами императора Александра III, не верившего в перспективы либерализации столь сложной, многоукладной страны, как Россия. Контрреформы напрямую коснулись образовательной сферы – вновь оказалась востребованной охранитель-

ная идеология в школьном историческом образовании.

В концептуальную основу преподавания истории легли обновлённые идеи единства самодержавия и народа, национальной исторической самобытности России и православия. Образовательная политика оказалась под жёстким не только государственным, но и церковным контролем. Начальная школа более не подчинялась земствам, а была передана Святейшему синоду. Основными учебными заведениями стали церковно-приходские училища, число которых в 1882–1894 гг. выросло с 4,5 тыс. до 32 тыс. [14, с. 280]. С 1887 г. был запрещён приём в университеты лиц, чей образ мыслей после окончания среднего учебного заведения считался неблагонадёжным.

Но это уже не могло сдержать нарастающего революционного движения в стране, костяк которого составляла молодёжь. На путь терроризма, в частности, встали народники юга Российской империи, обосновывающие это необходимостью самозащиты и мести за злодеяния царской администрации.

В январе 1878 г. В. И. Засулич совершила покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, распорядившегося высечь политзаключённого народника А. С. Боголюбова.

В том же месяце кружок В. А. Осинского – Д. А. Лизогуба, действовавший в Киеве и Одессе, организовал убийство харьковского генерал-губернатора Д. Н. Кропоткина.

В августе 1878 г. С. М. Степняк-Кравчинский убил кинжалом петербургского шефа жандармов

Н. В. Мезенцова в ответ на подписание им приговора о казни революционера И. М. Ковальского и др.

Революционная волна, несмотря на временные откаты, накрывала своим радикализмом всё большую часть российской молодёжи.

Невзирая на преобладающие во второй половине XIX в. жёсткие охранительные тенденции в системе образования, либерально-демократические идеи продолжали проникать в школьную систему по другим каналам, в том числе через библиотечную сеть, где желающие могли ознакомиться с иными, помимо официальных, взглядами на русскую историю.

Немалую роль в усилении альтернативной истории сыграла постепенно оформлявшаяся в трудах К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, И. С. Аксакова, Д. И. Шаховского, а также их последователей В. И. Сергиевича и А. Д. Градовского идеология русского либерализма.

В частности, К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин, как представители «западничества младшего поколения», отстаивали классические идеи либеральных прав и свобод, ограничения монархии, но при сохранении сильной государственной власти. Значительная часть либералов выступала не только за отмену крепостного права, но и за проведение других административных реформ, в том числе в образовательной сфере, где они требовали минимальной демократизации исторического образования с поиском путей его обновления для утверждения в мировоззрении учащихся не только официально-охранительной, но и буржуазно-либеральной идеологии.

¹⁴ Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории (конец XVIII – начало XX вв.). М.: Изд-во МГОУ, 2008.

Умеренная альтернативность в преподавании истории стала возможной благодаря тому, что пусть медленно, с отступлениями, но в содержании и методику преподавания истории проникали идеи европейской системы исторического образования. Подобная тенденция также выразилась в том, что исторические курсы постепенно дополнялись идеями обществоведения.

Так, в работе Н. И. Кареева [15], профессионального историка, утверждалось, что хотя история и является закономерным процессом, но в основе её лежат прежде всего общественные идеи. Подобный подход предполагал расширение социологического подхода в изложении исторических событий. Наиболее отчётливо он проявился в школьных учебниках Р. Ю. Вилпера и Н. А. Рожкова [16].

Во второй половине XIX в. обновление школьных учебников истории приняло ещё больший размах. У педагога-историка появилась возможность выбора учебников и учебных руководств по истории: за период со второй половины XIX до начала XX в. вышло в свет около ста учебников и учебных книг, не считая переизданий. Конкурентная среда в этой сфере в целом оздоровила содержание школьной истории.

При этом государство сохраняло за собой мощный рычаг влияния на содержание школьных учебников по истории – утверждение учебной программы. В отличие от программ советского и постсоветского времени

программа по истории не просто формулировала цели школьного исторического образования – «укоренение у учащихся любви и преданности престолу и отечеству», не только давала авторам учебников общие рекомендации исходить из необходимости «привести учеников к убеждению, что судьбы человечества постоянно улучшаются, хотя и медленно, что добрые начинания отдельных лиц, несмотря на все встречаемые ими препятствия и противодействия никогда не остаются без благотворных последствий, и что в ходе исторической жизни проявляется действие Промысла Божия» [4, с. 198; 17, с. 174], но и детализированно расписывала, исходя из каких позиций следовало освещать те или иные исторические сюжеты.

Так, в объяснительной записке к Программе 1890 г. давались следующие предписания:

- преодоление трудностей русским народом необходимо объяснять природными условиями страны;
- Россия была щитом для Европы от варваров (азиатских кочевников);
- не следует вдаваться в подробности княжеских усобиц при сыновьях и внуках Ярослава и после смерти Владимира Мономаха;
- следует дать полное представление о действии духовенства и бояр возвышению Москвы;
- необходимо дать подробнее о внутренних преобразованиях Ивана Грозного, о стремлении его расширить пределы русской земли до её естественных границ в борьбе за Ливонию;
- Смутное время: слабость государственного строя, рознь городов и областей;

¹⁵ Кареев Н. И. Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб., 1900.

¹⁶ Вилпер Р. Ю. Учебник Древней истории. СПб., 1906; Рожков Н. А. Учебник русской истории для средних учебных заведений и для самообразования. СПб., 1904.

¹⁷ Журнал Министерства народного просвещения. 1890. № 12. С. 174.

- заслуги духовенства;
- усиление влияния России на дела Европы в XVIII в.;
- культурное влияние России на судьбы народов Средней Азии в период правления Александра II, цель российской политики здесь – не завоевания, а охрана, т. е. вынужденное движение на Восток, и др. [16, с. 185–187].

Столь жёсткие рекомендации дополнялись и другими ограничениями. Например, если автор освещал вопросы церковной истории за рамками канонической традиции, его рукопись не имела шансов на положительный отзыв эксперта Учёного комитета [18]. Согласно Учреждению Министерства народного просвещения (1863 г.) в ведении Учёного комитета находилось рассмотрение учебных программ, оценка содержания учебников, проекты уставов учёных обществ.

Несмотря на то что на исходе XIX в. программные требования несколько смягчились, любые исторические оценки, дававшиеся автором, должны были аргументироваться с точки зрения официальной идеологии.

Теория официальной народности в этот период развивалась историками М. Н. Погодиным и Н. Г. Устряловым.

На этот период пришёлся расцвет творческой деятельности выдающегося историка В. О. Ключевского, в центре внимания которого оказались важнейшие проблемные вопросы русской истории, до этого, в силу своей политизированности, не получившие достоверного научного освещения. Среди них:

- социально-экономические процессы, происходившие в Древней Руси;
- история закрепощения крестьянства и др.

Итогом его многолетней работы стал пятитомный «Курс русской истории». Реализуя попытку проблемного подхода к изложению материала, В. О. Ключевский главное внимание уделял не истории российского государства как властного института, а истории народа и социальных отношений.

В начале XX в. преподавание истории в гимназиях велось на основе как «профессорских», так и «учительских» учебников.

Авторами первых были профессора университетов: П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев; вторых – педагоги средних учебных заведений: К. А. Иванов, К. И. Добрынин.

В начале XX в. среди преподавателей средних учебных заведений наиболее популярными были учебники В. О. Ключевского (Краткое пособие по русской истории) и С. Ф. Платонова (Учебник русской истории для средней школы, 1914).

С. Ф. Платонов много критиковал Иловайского за произвольность исторических построений и невосприимчивость к историко-теоретическим новациям. Учебник русской истории для средней школы С. Ф. Платонова действительно отличался в своих концептуальных основах от учебников Иловайского, был написан с учётом последних достижений исторической науки.

Так, если у Иловайского преобладает политическая история, а объяснение причин событий носит субъективный или даже несколько иррациональный характер (так, главной причиной возвышения Москвы Иловайский называет пробуждение народного инстинкта), то Платонов уделяет большое внимание социально-экономической истории,

¹⁸ Орловский А. Я. Школьные учебники по русской истории в России в конце XIX – начале XX в.: Опыт создания и методического построения. Дисс. ... канд. пед. наук. М., 2002. С. 60–61.

в том числе разного рода народным движениям. Однако в своих глубинных основаниях учебник Платонова базировался на тех же «охранительных» основаниях, что и учебники Иловайского, т. е. был призван укрепить Российское государство. Разделяя убеждение, что «история есть путь к национальному самосознанию» [19; 4, с. 204], Платонов искренне и целенаправленно старался идти по этому пути. Некоторые советские историки отмечали близость Иловайского и Платонова в деле «монархической пропаганды» [20].

В целом во второй половине XIX – начале XX в. в преподавании истории консервативный подход сосуществовал с либеральным.

Консервативные авторы учебной литературы исходили из того, что законы истории и общества predetermined Богом и человек не может ускорить ход истории и создавать принципиально новые общественные институты, не вызывая при этом хаос. Перестройка общественных отношений по рациональному плану невозможна и вредна; традиции имеют преимущество перед отвлечёнными теориями и разумом отдельного человека, поскольку подкрепляются опытом поколений; один человек не должен противопоставлять себя обществу как целому; законы по-настоящему эффективны, если опираются на моральные и религиозные нормы и имеют неписанный характер.

В соответствии с такими мировоззренческими установками «консерваторы» (Д. И. Иловайский и др.) ориентировали учащихся на утвердившийся и «прошедший проверку

временем» набор ценностей, отстаивая статус-кво. Социальное и политическое творчество в рамках консерватизма не исключалось, но оно должно было осуществляться на базе традиционного набора ценностей. При этом далеко не все «консерваторы» относились к безоговорочным охранителям основ самодержавия.

Так, Д. И. Иловайский критически отзывался об образе жизни русского дворянства XVIII–XIX вв. и его политической роли в жизни страны [4, с. 202].

Для либеральных же авторов приоритетной являлась борьба за расширение объёма политических и гражданских прав, поскольку экономические и социальные принципы либерализма уже в силу самой своей природы не могли быть реализованы вне основ правового государства, без утвердившегося принципа формального равенства, единого для всех правопорядка.

При этом консервативных и либеральных авторов в целом сближало стремление не разрушить, а укрепить государство, однако они по-разному представляли пути достижения этой цели. Согласие обычно достигалось на почве единого понимания назначения учебной литературы. Очень показательным, что автор наиболее успешного в сфере школьного исторического образования «либерального проекта» С. Ф. Платонов, расходясь с консерватором, националистом, членом Союза русского народа Д. И. Ило-

¹⁹ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М.: ВШ, 1993. С. 40.

²⁰ Историография истории СССР. М., 1961. С. 453; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 88.

вайским в том, что касалось содержания школьного курса истории, позитивно оценивал «назидательность» трудов своего оппонента [21], т. е. их идейно-воспитательный потенциал. Полагая, что историк-исследователь должен быть свободен от каких бы то ни было субъективных влияний или по крайней мере должен стремиться к этому, Платонов признавал необходимость в школьном историческом образовании возможным и необходимым отступить от объективизма в воспитательных целях.

Подводя итоги, можно констатировать, что на протяжении 130 лет (1786–1916 гг.), когда вопрос школьного исторического образования рассматривался как вопрос государственной важности, учебник по истории служил одним из важнейших инструментов реализации государственной политики. Методы менялись:

- патриархальное по своей сути шефство Екатерины II над разработкой первого в России официального учебника по истории;

- воплощение в учебнике официальной идеологической доктрины («уваровской триады»);

- конкуренция консервативной и либеральной интерпретаций отечественной истории согласно требованиям государственной программы.

При этом неизменным оставался государственный подход: работа с учебником должна была формировать у учащихся чувство гордости за свою страну и её историю.

Недостатком историографии того периода было отсутствие работ, обобщающих историю развития школьного образования в стране.

Первую такую попытку предпринял В. С. Рождественский, официальный историк Министерства народного просвещения, но его усилия в основном сосредоточились на характеристике деятельности министров, их взглядов и идей [22]. Сама сфера школьного исторического образования с её внутренними противоречиями, степенью воздействия на умы и политическое сознание учащихся оставалась за рамками исследования.

В этот период, помимо содержательного компонента, возрастающее внимание уделялось методике преподавания истории.

Автором первой русской методики обучения истории был Я. Г. Гуревич, опубликовавший в 1877 г. труд под названием «Опыт методики истории». Его рекомендации ориентировались на пробуждение сознательного интереса обучаемых к историческим событиям, последующее переключение внимания на аналогичные события всеобщей истории, различные способы закрепления полученных знаний.

В 1881–1885 гг. были переведены и опубликованы работы по методике преподавания истории немецких педагогов Г. Дистервега, Д. Кригера. Авторы предложили ввести в практику обучения истории новые методы. В частности, ими был предложен биографический метод, который

²¹ Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883-1912). СПб., 1912. С. 126.

²² Рождественский В. С. Материалы для учебных реформ в России. XVIII–XIX вв. СПб., 1910.

предполагал описание выдающихся личностей и посредством этого изучение конкретных фактов и событий.

В свою очередь, коллективно-категорический метод основывался на группировании исторического материала вокруг основных идей и проблем исторической эпохи с учётом знаменательных дат календаря.

Метод реальный, или хрестоматический, предполагал обсуждение первоисточников из хрестоматий с тем, чтобы ознакомить учеников с духом изучаемой эпохи, жизнью народа.

Предлагались также «прогрессивный» и «регрессивный» методы.

«Прогрессивный» метод состоял в изучении событий в хронологической последовательности, начиная с древности. При использовании «регрессивного» метода историю страны начинали изучать с современности, постепенно углубляясь в прошлое Отечества.

В 1891 г. вышла книга С. Ламовицкого «Школьный метод и его отношение к учебному предмету истории». Один из путей заинтересованности учеников в предмете С. Ламовицкий видел в эвристическом обучении, когда учитель стремился побудить учащихся самим прийти до того или иного понятия, суждения и умозаключения. Роль учителя при этом заключалась в проведении беседы по таким вопросам, которые направляли бы мысль учащихся к самостоятельному поиску искомого.

Заметный вклад в разработку методических проблем внёс Н. И. Кареев, который являлся автором не только учебников по всеобщей истории, но и цикла статей о смысле и задачах преподавания истории, а также ряда методических пособий.

В 1900 г. в Санкт-Петербурге вышли его «Заметки о преподавании истории в средней школе». В этой книге он рассматривал такие важные вопросы методики, как роль учебника в школьном обучении, отбор материала, требования к его изложению, работа с книгой в классе.

Таким образом, вторая половина XIX – XX в. была отмечена реформаторско-экспериментальными поисками форм и методов исторического образования, что свидетельствовало в том числе о постепенной либерализации школьного исторического образования. Этому способствовало создание педагогических обществ, деятельность которых привлекала внимание не только специалистов, но и правительственных кругов. Достаточно сказать, что Государственная дума несколько своих заседаний посвятила проблемам образования.

В 1911 г. в Москве был открыт Педагогический институт с двухгодичным сроком обучения. В него принимались лица, окончившие курс высших учебных заведений. Большое значение уделялось методической подготовке слушателей. Подобная ситуация в сфере преподавания истории сохранялась в целом до переломных событий 1917 г. При этом внедрение новых экспериментальных методов преподавания истории не затрагивали преобладающего консервативного идейно-политического содержания предмета, что явилось очевидным проявлением обострявшегося противостояния охранительных принципов и либерального направления в школьном преподавании истории.

После драматических событий революции 1905–1907 гг. ситуация в преподавании истории резко изменилась. В Государственной програм-

ме 1913 г. внимание акцентировалось на необходимости патриотического воспитания подрастающего поколения, что должно было стать для автора главным критерием при отборе содержания [4, с. 200; 23].

В журнале Министерства народного просвещения публиковались каталоги учебных руководств и пособий по истории и другим предметам с указанием, какие учебники рекомендованы для использования (максимальная степень одобрения), одобрены (средняя степень) и допущены (самая низкая степень).

Эти рекомендации были предназначены прежде всего для учителей государственных школ, но в целом выбор учителем учебника определялся целой совокупностью факторов: соответствием программным требованиям, принадлежностью

учебного заведения, научно-методическим уровнем учебника, стилем изложения, общественно-политическими взглядами педагога и др. Учебники были призваны интерпретировать историю в необходимом для власти ключе, проблема, однако, заключалась в том, что власть уже не была едина в трактовке прошлого страны. Различные политические течения пытались влиять на содержание исторического образования, тем самым косвенно формируя государственный курс. Однако это уже не могло предотвратить политическую социализацию широких слоёв населения под воздействием пропаганды «контристорий», разделившей общество на два непримиримых лагеря: с одной стороны, власть и деньги имущих, а с другой – бесправие и нищета униженных.

²³ Программы и объяснительные записки по русской и всеобщей истории в мужских гимназиях. СПб., 1913. С. 110.

Библиография • References

- Багдасарян В. Э., Абдулаев Э. Н., Клычников В. М. [и др.]. Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009. – 309 с.
 [Bagdasaryan V. E., Abdulayev E. N., Klychnikov V. M. [i dr.]. Shkolnyy uchebnik istorii i gosudarstvennaya politika. M.: Nauchnyy ekspert, 2009. – 309 s.]
- Белинский В. Г. Деяния Петра Великого // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5.
 [Belinskiy V. G. Deyaniya Petra Velikogo // Poln. sobr. soch.: V 13 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. T. 5]
- Виппер Р. Ю. Учебник Древней истории. СПб., 1906.
 [Vipper R. Yu. Uchebnik Drevney istorii. SPb., 1906]
- Володина Т. А. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII – конец XIX вв. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2004. – 497 с.
 [Volodina T. A. Uchebnaya literatura po otechestvennoy istorii kak predmet istoriografii: seredina XVIII – konets XIX vv. Diss. ... d-ra ist. nauk. M., 2004. – 497 s.]
- Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю. Как преподавать историю в современной школе: теория и методика. М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2006. – 42 с.
 [Vyazemskiy E. E. Strelova O. Yu. Kak prepodavat istoriyu v sovremennoy shkole: teoriya i metodika. M.: Pedagogicheskij universitet «Pervoe sentjabrja», 2006. – 42 s.]

- Журнал Министерства народного просвещения. 1890. № 12.
[Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1890. № 12]
- История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 2000. – 352 с.
[Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy / pod red. V. S. Nersesyantsa. M. 2000. – 352 s.]
- История политических и правовых учений. Учебник / под ред. О. Э. Лейста. М., 1997. Ч. II. – 568 с.
[Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. Uchebnik / pod red. O. E. Leysta. M., 1997. Ch. II. – 568 s.]
- История России для технических вузов: учебник для бакалавров / под ред. М. Н. Зуева и А. А. Чернобаева. М.: Юрайт, 2013. – 639 с.
[Istoriya Rossii dlya tekhnicheskikh vuzov: uchebnik dlya bakalavrov / pod red. M. N. Zuyeva i A. A. Chernobayeva. M.: Yurayt, 2013. – 639 s.]
- Историография истории СССР. М., 1961. – 511 с.
[Istoriografiya istorii SSSR. M., 1961. – 511 s.]
- Ищенко В. А.* Школьное историческое образование в России в конце XIX – начале XX в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1997. – 29 с.
[Ishchenko V. A. Shkolnoye istoricheskoye obrazovaniye v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. Avtoreferat diss. ... kand. ist. nauk. Stavropol, 1997. – 29 s.]
- Кайданов И. К.* Краткое начертание Российской истории. СПб., 1834. – 92 с.
[Kaidanov I. K. Kratkoye nachertaniye Rossiyskoy istorii. SPb., 1834. – 92 s.]
- Карамзин Н. М.* О новом образовании народного просвещения в России // Вестник Европы. 1805. № 5. – 24–38 с.
[Karamzin N. M. O novom obrazovanii narodnogo prosveshcheniya v Rossii // Vestnik Evropy. 1805. № 5. – 24–38 s.]
- Кареев Н. И.* Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб., 1900. – 78 с.
[Kareyev N. I. Zametki o prepodavanii istorii v sredney shkole. SPb., 1900. – 78 s.]
- Орловский А. Я.* Школьные учебники по русской истории в России в конце XIX – начале XX в.: Опыт создания и методического построения. Дисс. ... канд. пед. наук. М., 2002. – 198 с.
[Orlovskiy A. Ya. Shkolnyye uchebniki po russkoy istorii v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.: Opyt sozdaniya i metodicheskogo postroyeniya. Diss. ... kand. ped. nauk. M., 2002. – 198 s.]
- Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Наука, 1963. Т. 3. – 830 с.
[Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR. M.: Nauka, 1963. T. 3. – 830 s.]
- Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. М.: ВШ, 1993. – 736 с.
[Platonov S. F. Leksii po russkoy istorii. M.: VSh, 1993. – 736 s.]
- Платонов С. Ф.* Статьи по русской истории (1883–1912). СПб., 1912. – 528 с.
[Platonov S. F. Stati po russkoy istorii (1883–1912). SPb., 1912. – 528 s.]
- Программы и объяснительные записки по русской и всеобщей истории в мужских гимназиях. СПб., 1913.
[Programmy i obyasnitelnyye zapiski po russkoy i vseobshchey istorii v muzhskikh gimnaziyaх. SPb., 1913]
- Пряникова В. Г., Равкин З. И.* История образования и педагогической мысли: учебник-справочник. М., 1995. – 96 с.
[Pryanikova V. G., Ravkin Z. I. Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli: uchebnik-spravochnik. M., 1995. – 96 s.]
- Рождественский В. С.* Материалы для истории учебных реформ в России. XVIII–XIX вв. СПб., 1910. – 397 с.
[Rozhdestvenskiy V. S. Materialy dlya istorii uchebnykh reform v Rossii. XVIII–XIX vv. SPb., 1910. – 397 s.]

Рожков Н. А. Учебник русской истории для средних учебных заведений и для самообразования. СПб., 1904. – 415 с.

[*Rozhkov N. A.* Uchebnik russkoy istorii dlya srednikh uchebnykh zavedeniy i dlya samoobrazovaniya. SPb., 1904. – 415 s.]

Смарагдов С. Н. Краткое начертание всеобщей истории. СПб., 1845. – 148 с.

[*Smaragdov S. N.* Kratkoeye nachertaniye vseobshchey istorii. SPb., 1845. – 148 s.]

Уваров С. С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813. – 18 с.

[*Uvarov S. S.* O prepodavanii istorii otnositelno k narodnomu vospitaniyu. SPb., 1813. – 18 s.]

Устрялов Н. Г. Начертание русской истории. СПб., 1856. – 317 с.

[*Ustryalov N. G.* Nachertaniye russkoy istorii. SPb., 1856. – 317 s.]

Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории (конец XVIII – начало XX вв.). М.: Изд-во МГОУ, 2008. – 490 с.

[*Fuks A. N.* Shkolnyye uchebniki po otechestvennoy istorii (konets XVIII – nachalo XX vv.). M.: Izd-vo MGOU. 2008. – 490 s.]

**Продолжается подписка на 2016 г.
на журнал «Обозреватель–Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 – на полугодие

36789 – на год